

Все процессы урбанизации в СССР коренным образом отличались от аналогичных за рубежом. С началом индустриализации все города-новостройки возводились в отдалении от существовавших крупных городов, выполнявших в рамках советской градостроительной доктрины роль опорных пунктов расселения. Дореволюционная структура хозяйственного районирования целенаправленно заменялась новой, в которой «промышленно-селитебные» образования - места узловой концентрации населения - искусственно располагались там, где это было выгодно с точки зрения размещения объектов военно-промышленного комплекса. Урбанизация в СССР была сознательно превращена советской властью в «вынужденного попутчика» промышленно-транспортного строительства и ресурсодобычи и оставалась таковой, фактически, все годы существования Советского Союза.

Ключевые слова: урбанизация в СССР, соцгород, административно-территориальное районирование, военно-промышленный комплекс/

All urbanization processes in the USSR were quite different from those in other countries. When the industrialization started, all new cities were built far from the existing big cities, which served as supporting points of displacement of population within the framework of the Soviet town-planning doctrine. The pre-revolutionary structure of economic zoning was purposefully replaced by a new one, where 'industrial-residential' formations – the places of nodal conglomeration of population – were deliberately located in the area favorable for allocation of war productive facilities. The Soviet government willfully turned urbanization into 'an involuntary companion' of industrial and transport construction and resource development. It remained such as long as the Soviet Union existed.

Keywords: urbanization in the USSR; social city; administrative-territorial zoning; war productive facilities.

Уникальность урбанизации в СССР: искусственное формирование системы расселения /

Исследователи советской модели урбанизации склонны определять ее как «провальную» [1], потому что советской власти не удалось обеспечить комплексную реализацию важнейшей «субъектной» составляющей урбанистического развития – «человека с его разнообразными потребностями и возможностями». Они пишут о том, что и в постсоветский период урбанизация в СССР не смогла «преодолеть резкое отставание СССР – России от общепринятых в развитых странах норм и стандартов образа и качества жизни горожан, их культуры, доходов, состояния городской среды и т. д.» [1], и поэтому до сих пор остается «недоурбанизацией».

Это верные оценки, если рассматривать процессы урбанизации в СССР в сравнении с западными моделями формирования систем расселения и зарубежной градостроительной практикой. Однако в СССР все процессы урбанизации: возведение промышленных поселений на пустом месте, мотивы перемещения сельского населения в города, цели формирования среды обитания и т. п. – коренным образом отличались от аналогичных за рубежом.

Советское руководство и не собиралось развивать «разнообразнейшие потребности и возможности» человека, не планировало достигать западных стандартов качества жизни горожан. Никто в сталинском руководстве и не стремился развивать «гражданское общество», никто в хрущевском правительстве не ставил задачи

наделить каждую семью машиной, холодильником и собственным домом, никто в брежневском Политбюро не стремился привнести в каждую квартиру персональный компьютер... Да, советская урбанизация являлась лишь «...побочным продуктом индустриализации, а человек – всего лишь «винтиком» огромной государственной машины» [2]. Но именно так ее концептуально и рассматривала марксистская доктрина. Именно так ее практически и формировало сталинское руководство.

Начиная с середины 1920-х годов руководство страной провозгласило доктрину промышленного развития, основой которой стала добыча и продажа зарубежным странам сырьевых ресурсов. Для того чтобы на вырученные деньги закупать чертежи, станки и промышленные технологии для выпуска вооружений. Эта доктрина стала именоваться «индустриализацией». В ее рамках к собственному населению сталинское руководство относилось точно так же, как к природному ресурсу, который был предназначен лишь для того, чтобы обеспечивать достижение наиглавнейшей задачи – превращения великого государства в мощный военный механизм. Именно развитие военно-промышленного комплекса являлось основной целью, смыслом и содержанием советской индустриализации, которая исключительно предопределяла процесс урбанизации в стране.

Любой человек, выросший в СССР или много читавший об устрой-

стве советской власти, прекрасно понимает, что в Советском Союзе после запрещения НЭП никакого жилищного строительства по частной инициативе и собственными силами граждан не происходило. Кроме, пожалуй, жилищного самостроя в деревнях и самовольного возведения нахаловок на окраинах городов. Любая мало-мальски значимая стройка: строительство многоэтажного здания или нового цеха завода, не говоря уж о целых поселках или городах, – была делом исключительно государственным, абсолютно подконтрольным и

полностью управляемым. Тем более в условиях острейшего дефицита финансовых и материальных ресурсов, строительных материалов и рабочей силы, нехватки средств транспортировки, машин и механизмов и всего прочего, что можно было получить лишь посредством их квотированного государственно-распределения.

Однако, несмотря на полностью искусственный, плановый характер советской урбанизации, она, а также процессы, стимулировавшие ее развитие, в советской историографии описывались (и до сих пор

Uniqueness of Urbanization in the USSR: Artificial Formation of the Settlement System

представляются) так, как будто бы они происходили сами по себе. Естественным образом. В итоге делаются выводы о возникшем «консервативном» характере «советского варианта модернизации» [2, с. 187]; о том, что советская экономика сама собой «переходила» от своего «аграрного состояния к индустриальному» [1], что «периоды реформирования» сами по себе «сменялись годами застоя», а «консолидация общества – его расколом» и т. д. [2–4]. Выстраивается картина, согласно которой советская урбанизация как бы существовала в условиях «саморазвития», которое неким непонятным образом оказывалось «сопровождаяемым» милитаризацией. Увы, все это ложные разъяснения, поскольку в СССР «само по себе» не происходило совершенно ничего по-настоящему масштабного, требовавшего вложения государственных ресурсов, мало-мальски связанного с внутренней геополитикой...

Научные труды, появившиеся в последние десятилетия [5–10], позволяют сделать однозначный вывод о том, что советская урбанизация не «сопровождалась» милитаризацией, напротив, это милитаризация «сопровождалась» урбанизацией. Потому что партийное руководство страной уготовало системе расселения в СССР особую роль – служить средством пополнения милитаризованного «народного» хозяйства рабочей силой. Эта рабочая сила должна была формироваться из крестьянства, выталкиваемого коллективи-

заций на новостройки пятилетки. Именно на осуществляемой властью коллективизации прежде всего и основывалась урбанизация в СССР. На том, что после реформирования индивидуального сельскохозяйственного производства в коллективное, избыточная однородная масса крестьян с неизбежностью хлынет из деревни в города и превратится в не менее однородную массу государственных рабочих и служащих, лишенную внутреннего разнообразия, а главное, характерных черт среднего слоя населения буржуазного общества. Так все и было осуществлено: только за первую пятилетку городское население (существовавших городов и соцгородов-новостроек) увеличилось на 13,5 млн чел.

Специфической чертой советской системы расселения было то, что в Советском Союзе вовсе не концентрация населения (как на Западе) инициировала появление новых объектов производства, энергетики, транспорта. А наоборот, возведение объектов энергетики вызывало размещение вокруг себя энергоёмких производств, которые, в свою очередь, требовали сосредоточения здесь же трудоспособного населения. Именно этот процесс и закреплялся в схемах районной планировки. Урбанизация была лишь побочным продуктом расширения инфраструктуры ресурсодобычи, возведения предприятий по переработке, обогащению и перегрузке сырья; следствием развертывания систем транспорта и энергетики, нуждав-

шихся в сельтбе для размещения трудовых ресурсах. В ее основе лежало создание структуры такого «территориально-административного управления», которое основывалось на искусственном формировании «центров концентрации пролетариата», целенаправленно превращаемых в административно-управленческие центры новой структуры расселения. Соцгорода-новостройки представляли собой «промышленно-селитбно-энергетические комплексы», т. е. иными словами – поселения для рабочих при промышленных гигантах. Формировались они, как правило, в отдалении от существовавших крупных городов, которые трактовались в рамках советской расселенческой доктрины как базовые, опорные пункты расселения – фокусы «пролетаривания» крестьянского населения и последующей переброски их к местам промышленных новостроек. Соцгорода располагались в слабо освоенных либо вообще пустынных территориях с целью заполнения их населением (кстати, эта политика продолжалась потом долгие годы). Именно поэтому «промышленно-селитбно-энергетические комплексы» (соцгорода) в специальной литературе подготовительного периода индустриализации именовались «расселенческими упорами». Именно под цель равномерного распределения по территории страны искусственно формируемых мест узловой концентрации населения и изламывалась – осмысленно и целенаправленно – дореволюци-

онная структура хозяйственного районирования.

Исследователи советской урбанизации пишут о том, что серьезным недостатком урбанистического процесса в СССР являлся разрыв между количественными показателями переселения масс деревенского населения в города и утверждением городского образа жизни как феномена культуры [11]. Они констатируют, что темпы территориальной концентрации населения опережали «процессы адаптации вчерашних сельских жителей к городскому образу жизни, усвоение ими городской культуры, новой системы ценностей» [1]. В этом они видят «непоследовательность» воплощения урбанистической модели. Однако в руководстве СССР того периода никто и не планировал адаптировать крестьян-мигрантов к городскому образу жизни. Да подобного,

«городского» образа жизни и не существовало в соцгородах-новостройках, которые на 90 % были застроены бараками (рассчитанными на вселение 80–120 чел. каждый) и на 90 % заселены коммунально. В соцгородах-новостройках не было и никакой «городской культуры». А была лишь грязь по колено и деревянные щитовые тротуары, которые в период весенних и осенних дождей кидались прямо сверху на раскисшую глину, чтобы пешеходы могли хоть как-то пробираться и не тонуть в тестообразном месиве; не было ванн и индивидуальных кухонь; воду население получало от водовозов или в лучшем случае из квартальных водоразборных колонок; в жилище не было туалетов: они располагались на улице, в отдельно построенных деревянных сооружениях на 8–12 посадочных мест, не разделяемых перегородками... Какую особую «городскую

культуру» в этих условиях должны были «усваивать» вчерашние сельские жители, но так и не усвоили, что потом плохо сказалось на «состоянии урбанизации»?

Ученые, изучавшие процессы урбанизации в СССР писали о том, что «подлинная» урбанизация всегда связана с «вложениями в человека» [1, с. 109]. А советская, мол, являлась «неподлинной», недоразвитой, недоразвивавшейся, потому что в ней «вложения в человека» были недостаточными. Они отмечают, что быстрый рост городов и концентрация населения в индустриальных центрах происходили на фоне сохранения традиционных особенностей российского общества – архаично-экстенсивного характера городской деятельности, сельского общинного сознания «новых горожан», их аграрного менталитета, низкого уровня жизни [1]. Но ничего иного советской властью и не планировалось. Все – в точном соответствии с той концепцией урбанизации, которая именовалась «концепцией соцрасселения» и которая была последовательно и планомерно реализована:

1. Сохранение традиционных форм общинного сознания, способствующего существованию трудо-бытовых коллективов.
2. Создание иерархизированного (стратифицированного) уровня жизни – низкого (прожиточный минимум) для подавляющей массы населения.
3. Поддержание экстенсивного характера городской жизнедеятельности,

так как главной задачей являлось восстановление сил для следующего трудового дня, а не активное включение в разнообразные формы досуга, развлечений и стилей (образов) жизни.

4. Строгий контроль (за счет введения прописки, паспортной системы, структуры распределения жизненных ресурсов: продуктов питания, одежды, жилища, медицинского обслуживания и проч.) за фактическим количеством контингентов трудоспособного населения, сконцентрированных в сельхозпроизводственных комбинатах, численность которых рассчитывалась по формулам в зависимости от «трудоемкости градообразующих предприятий».

5. Поддержание аграрного менталитета и связанных с ним форм дополнительного самообеспечения населения продуктами питания под контролем администрации предприятий и учреждений.

Воплощение этой концепции обеспечивалось сознательно формируемой системой организации процессов городского быта и своеобразной «городской политикой», сутью которой была минимизация государственных расходов на человека путем жесткой экономии на жилищно-коммунальном строительстве, социально-культурной сфере, городском транспорте [11] (что автоматически приводило к формированию и удержанию нищенского уровня жизни рядовых рабочих и служащих) и т. д. и т. п.

В СССР в основу урбанизации закладывалась именно «матери-

ально-производственное», а не «антропокультурное» содержание. Так чего же сегодня сетовать на то, что в советской модели мало оказалось того, чего там вообще не должно было быть... Как следствие, несмотря на утверждения некоторых ученых [1] о необходимости применения «антропокультурного подхода» в качестве основного методологического средства для оценки реальных итогов российской урбанизации, именно он для этой задачи и не подходит.

При изучении характера советской урбанизации следует принять за исходный методологический постулат тот факт, что все без исключения процессы градоформирования в Советском Союзе с конца 1920-х – начала 1930-х годов оказались накрепко «пристегнутыми» (образное выражение Ю. Л. Пивоварова) к форсированной индустриализации. Соцгорода-новостройки, несмотря на все декларационные заявления об их роли в формировании особого – счастливого, сытого, прекрасного, комфортного – советского образа жизни, играли лишь роль «тары» для размещения «производственного персонала» [3]. Урбанизация была сознательно превращена советской властью в «вынужденного попутчика» промышленно-транспортного строительства и ресурсодобычи и оставалась таковой фактически все годы существования СССР. Советская урбанизация существовала исключительно благодаря особому «государственному движущему механизму» [1] в рамках которого

директивно-плановая экономика сознательно и целенаправленно превратила процесс градоформирования (вслед за индустриализацией) в искусственно-форсированно-ускоренный [12].

Изучение процесса индустриализации в СССР, особенно в ее начальный период (середина 1920-х годов и первые пятилетки), требует своего коренного методологического пересмотра. Требуется выработка особой исследовательской оптики, основанной не на сопоставлении с закономерностями урбанизации в капиталистических странах, а на выявлении специфики урбанистических процессов в СССР. Выявление их неразрывной связи с марксистско-ленинской идеологией; с реализацией программы формирования военно-промышленного комплекса; искусственным формированием «промышленных» трудовых ресурсов (в том числе и за счет коллективизации) и их принудительным перемещением на стройки пятилетки; с развертыванием глобальной системы принудительного труда; формированием среды обитания, предусматривавшей обеспечение лишь минимального уровня жизненных условий; созданием в целом дезурбанизированной системы расселения с искусственно формируемыми центрами узловой концентрации «пролетариата» (трудоустроенного населения – рабочих и служащих и членов их семей) в фокусах административного управления территориями.

Марк Меерович

Список литературы

1. Пивоваров Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 6. – С. 101–113.
2. Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М. : ОГИ, 1998. – 432 с.
3. Ахиезер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса // *Город как социокультурное явление исторического процесса*. – М. : Наука, 1995.
4. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М. : Новый хронограф, 2009. – 372 с.
5. Баженов А. Ю. Организационно-экономические основы создания и развития бронетанкового производства в Сталинграде : автореф. ... дисс. канд. эк. наук. – Волгоград, 2010 [Электронный ресурс]. – <http://www.dissercat.com/content/organizatsionno-ekonomicheskie-osnovy-sozdaniya-i-razvitiya-bronetankovogo-proizvodstva-v-st>
6. Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). – СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2002. – 472 с.
7. Савицкий И. М. Строительство предприятий оборонной промышленности в Новосибирской области в предвоенные годы (1929–1941) // *Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.* // Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. – С. 142–155.
8. http://www.zaimka.ru/06_2002/savitsky_prewar
9. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. – М. : АИРО-XX, 2001. – 296 с.
10. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М. : Российская политическая энциклопедия, 1996. – 336 с.
11. Пивоваров Ю. Л. Основы георбанистики: урбанизация и городские системы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 232 с.
12. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – 286 с.